

Глава 11

В доме старушки было две комнаты: спальня и маленькая комната, которая раньше принадлежала её дочери. После того как дочери не стало, комната превратилась в кладовку. Теперь, когда здесь поселился Шэнь Чэнь, пожилая женщина снова освободила это помещение.

Кондиционер в комнате шумел, но почти не охлаждал. Ночью Шэнь Чэнь не мог уснуть от жары. Старушка с мрачным видом достала из-под кровати старый вентилятор и поставила его на стул, чтобы он обдувал юношу.

Глядя на этот раритет, Шэнь Чэнь долго молчал. К такой жизни он привыкнуть не мог.

Днём старушка куда-то уходила. Шэнь Чэнь из вежливости спросил, куда она и не нужна ли ей помощь. В ответ он получил порцию ругани: сиди дома и делай уроки, скоро школа...

Юноша сказал, что, поскольку он перевёлся, у него нет домашних заданий. Это было всё равно что разворошить осиное гнездо. Бабушка Шэнь рассвирепела. После этого Шэнь Чэнь поумнел и, притворившись глухонемым, больше ни о чём не спрашивал.

Телефон завибрировал. Он разблокировал экран.

[Старик: Чем занимаешься?]

Шэнь Чэнь начал печатать ответ.

Гу Чжэнцин, отправив сообщение, отложил телефон и подписал контракт. Только после этого он услышал звук уведомления.

[Мосюю: Дядя, не угостите обедом?]

Гу Чжэнцин хотел было спросить, не решил ли тот прогнуться под тяжестью финансовых обстоятельств, но тут пришло ещё одно сообщение.

[Мосюю: Если дядя хочет, но занят, можете просто перевести деньги на обед. Я сам поем.]

Гу Чжэнцин усмехнулся.

[Azazel: Так беден?]

[Мосюю: Да. Голоден.]

[Azazel: А твоя бабушка тебя не кормит?]

[Мосюю: Рис, лапша, овощи есть. Готовить не умею.]

Гу Чжэнцин закрыл ручку и нажал кнопку на селекторе:

— Какие у меня планы на сегодня?

— В два часа встреча с представителями «Фил», — ответил специальный помощник Ли. — После встречи официальных планов нет, но их вице-президент в прошлом разговоре упоминал гольф, и вы согласились, попросив меня напомнить.

Это было полмесяца назад, и Гу Чжэнцин действительно забыл.

— Хорошо, организуй поле.

— А ужин?

После встречи и гольфа как раз наступит время ужина.

— Забронируй ресторан для приёма гостей.

— Хорошо, господин Гу.

Работа была важнее Шэнь Чэня. Гу Чжэнцин отправил ему сообщение:

[Azazel: Сегодня занят. Поешь сам.]

Телефон, лежавший на столе экраном вниз, завибрировал. Шэнь Чэнь обмахивался большим веером.

Да, именно тем самым веером, которым старушка пользовалась несколько десятков лет.

Экран телефона загорелся.

[Старик: Сегодня занят. Поешь сам.]

[Зачислено: 5000.00 юаней]

Шэнь Чэню было жарко и душно. Вид старого кондиционера и вентилятора раздражал ещё больше. Он посмотрел на устройство под потолком, затем на уведомление о переводе на экране телефона.

И нажал «Принять».

Гу Чжэнцин увидел, что парень забрал деньги, и стал ждать. Но слова благодарности так и не последовало.

«Если выражаться грубее, — подумал Гу Чжэнцин, — то Шэнь Чэнь повёл себя как человек, который, получив своё, тут же уходит, не проронив ни слова»

Вечером старушка вернулась домой с корзинкой продуктов. В ней, что было редкостью, лежали пять живых креветок.

Креветки были дорогими, и ей было жаль денег — пять штук обошлись в тринадцать юаней.

Открыв дверь, она ощутила прохладу, которая прогнала уличную духоту. Не успев даже поставить корзинку, она бросилась осматривать квартиру.

В её доме было всего три кондиционера. Один в главной спальне, другой в маленькой комнате — оба настенные. Тот, что в маленькой комнате, установили ещё при жизни её дочери, и теперь он не охлаждал. Сегодня она заходила в мастерскую и попросила, чтобы пришли и починили его.

Теперь же оба кондиционера в комнатах были новыми, а в гостиной, где никого не было, тоже работал мощный поток холодного воздуха. От такой прохлады ей показалось, что наступила зима.

Шэнь Чэнь только что вышел из душа и переодевался в своей комнате. Старушка ворвалась без стука с мрачным лицом. Даже у него, при всём терпении, нервы начали сдавать.

Тем более что терпение у юноши было не железное.

Резкие слова уже были готовы сорваться с языка, но, увидев морщины на лице старушки, он сдержался.

— Кто разрешил тебе менять кондиционеры в моём доме? — взорвалась она.

— Ваши кондиционеры были сломаны, — терпеливо объяснил Шэнь Чэнь.

— А тебе какое до этого дело?

«Действительно, никакого», — мысленно согласился Шэнь Чэнь.

— Хм, не можешь жить в бедности? Тогда верни мне мои пятьдесят тысяч и убирайся к своему папаше-подонку! — ругалась старушка. — Такой взрослый мужик, а привередливый в еде, готовить не умеет, посуду мыть не умеет, стирать не умеет. Совсем избаловали. У меня здесь тебе не курорт.

На лбу юноши вздулись вены. Пожилая женщина вовремя сбавила обороты:

— Иди убери в ванной, всюду воды налил.

Сказав это, она взяла корзинку и ушла. Шэнь Чэнь уже схватил свою сумку.

Мишка на сумке качался из стороны в сторону. Старушка пробормотала так, чтобы он услышал:

— Всюду вода, не боится, что я поскользнусь и убьюсь.

Она ушла на кухню и прислушалась к звукам в коридоре.

Не услышав ни звука, она осторожно выглянула. Шэнь Чэнь подметал воду в ванной. Старушка вернулась на место и тихо улыбнулась.

Кондиционер в гостиной она, поколебавшись пару минут, всё же не выключила.

Пустая трата электричества.

На ужин она приготовила жареный салат и суп с клёцками и креветками.

Своими палочками она выбрала все пять креветок и положила их в тарелку Шэнь Чэня.

Тот, не желая разговаривать, отодвинул их обратно.

— Сказала ешь, значит ешь! — нахмурилась старушка. — Вечно мямлишь, никакой решительности. Где мужской характер?

Юноша придвинул тарелку обратно и в два счёта съел все пять креветок.

После ужина хозяйка дома указала на мусорное ведро, полное бумажных полотенец.

— У тебя что, мозгов нет? Воду на полу шваброй убирают. Не можешь подмести — вытирай бумагой, думаешь, я миллионерша?

В этом доме было душно, нечем дышать. Шэнь Чэнь развернулся, чтобы уйти. Хоть на улице ночевать, лишь бы не возвращаться сюда.

— Вынеси мусор, — приказала старушка. — И уксус дома закончился, по пути купи бутылку.

Шэнь Чэнь: ...

Старушка знала, что он вернётся. Хотя бы из-за этого уксуса.

Она оставила в гостиной ночник и легла спать. Ночью, встав, чтобы сходить в туалет, она увидела, что свет в гостиной выключен, и улыбнулась.

Войдя в ванную, она заметила, что на полу в душевой лежит синий противоскользящий коврик. Прислонившись к стене, она долго смотрела на него, и её глаза медленно покраснели.

Этот мальчик был неплохим. Хоть и избалованный, но сердце у него доброе. В мать пошёл.

Старушка мысленно похвалила себя за хорошие гены.

В старом особняке на склоне горы было пусто и одиноко. Новый дом, который нашёл специальный помощник Ли, ещё ремонтировался. Работы должны были занять около полутора месяцев.

На ужине Гу Чжэнцин выпил немного. Не слишком много, но когда шум и веселье сменились тишиной, на душе стало тоскливо.

Скромный автомобиль ехал по склону горы. Две фары освещали дорогу впереди.

— Господин.

— М? — Гу Чжэнцин дремал, откинувшись на спинку сиденья.

— Кажется, это молодой господин Цзи, — сказал водитель, притормозив. — Его машина перегородила въезд.

Гу Чжэнцин поднял голову. Цзи Хаоюй стоял, прислонившись к своей машине, словно надеясь, что так его точно не проигнорируют.

— Поезжай через восточные ворота.

— Хорошо.

Водитель нажал на газ и в зеркале заднего вида увидел, как гордый Альфа пробежал несколько шагов за машиной.

Затем он взглянул на Гу Чжэнцина во внутреннее зеркало.

Выражение лица того оставалось спокойным. Он небрежно листал книгу, и в его глазах не было ни тени сочувствия или колебания.

[Цзи Хаоюй: Брат Цин, мы даже друзьями не можем остаться?]

Гу Чжэнцин коснулся экрана и ответил:

[Azazel: Поговорим, когда придёшь в себя.]

[Azazel: Хаоюй, не заставляй меня жалеть, что я вообще решил завести интрижку с кем-то из своих.]

Глубокой ночью одинокий Альфа смотрел на пустую дорогу и тихо плакал. Его брат Цин, которого он любил столько лет, был так жесток. Последняя фраза пригвоздила его к месту.

Это было финальное предупреждение.

Цзи Хаоюй знал, что не должен был приезжать, но не мог сдержаться. Он слышал, что во время переговоров в городе А Гу Чжэнцин носил на шее пластырь для желёз.

Пластырь для желёз! Его носят, только если железу прокусили.

Его брат Цин не мог такого допустить.

Железы брата Цина были так драгоценны. Он умолял его позволить хотя бы поцеловать их, но тот не разрешал.

Цзи Хаоюй не верил, что брат Цин позволил бы кому-то укусить его. Он знал, что пластырь был лишь частью тактики на переговорах. Проект в городе А был заключён очень успешно.

Но знать — одно, а не поддаваться искушению использовать это как предлог, чтобы увидеть брата Цина, — другое. Хотя бы просто увидеть.

[Цзи Хаоюй: Брат Цин, я просто хочу знать, ты позволил кому-то укусить твои железы? Это же неправда, да? Это было специально для сделки, да?]

Пятна света от уличных фонарей скользили по изящным чертам лица Гу Чжэнцина. Он устало потёр переносицу.

Цзи Хаоюй как будто специально сыпал соль на рану. То, что его укусили за железу и поимели, было постыдным инцидентом, о котором Гу Чжэнцин не хотел вспоминать.

[Azazel: Моя личная жизнь тебя больше не касается.]

Гу Чжэнцин отключил уведомления от Цзи Хаоюя и больше не смотрел в телефон.

Его любвеобильность и безжалостность при расставании были хорошо известны. Он не позволял себя преследовать или обременять. Если Гу Чжэнцин не хотел, чтобы его нашли, у него было множество способов этого добиться.

Но даже несмотря на такую репутацию, многие всё равно были готовы броситься в его объятия, потому что он был очень щедрым.

И в отношениях Гу Чжэнцин был очень заботливым. Иногда даже слишком, так что люди начинали верить, что они — его настоящая любовь, и забывали, ради чего изначально оказались рядом с ним.

Его не волновало, были ли люди с ним из-за денег. Он даже предпочитал, чтобы это было так — честный обмен интересами.

Цзи Хаоюй был первым, о ком Гу Чжэнцин был уверен, что тот пришёл к нему не из-за выгоды. Он говорил, что любит его.

Поэтому Гу Чжэнцин был с ним целых три года. Пока Цзи Хаоюй сам не сделал выбор между любовью и деньгами.

Первого сентября улицы наполнились жизнью. Родители вели детей за руку через дорогу, подростки на велосипедах с рюкзаками за спиной проносились мимо, и ветер трепал полы их курток.

Школы распахнули свои двери.

В отличие от сдержанных улыбок взрослых, вид детей, которые помахали родителям на прощание и вприпрыжку бежали в школу, согревал душу.

— Начался учебный год, — заметил водитель, видя, что Гу Чжэнцин смотрит в окно.

— Да.

Он достал телефон и позвонил Гу Цзиньюэ, чтобы спросить, как Ноно. Та ответила, что девочка уже в детском саду.

После завтрака малышка сама взяла рюкзак, залезла в машину и заявила, что уже взрослая, поэтому Чжао Вэньбо не должен её провожать.

Гу Чжэнцин не мог понять, что происходит с Ноно. Помощник Ли выяснил, что в садике у неё всё в порядке. Она была общительной и быстро стала негласным лидером среди сверстников.

Даже мальчики её слушались. Обидеть её было практически невозможно.

Закончив разговор, он увидел за окном старшеклассника, который бежал, на ходу доедая булочку. Видимо, проспал.

Последние несколько дней Гу Чжэнцин был очень занят и даже не связывался с Шэнь Чэнем, которого собирался заполучить, чтобы смыть с себя позор.

[Azazel: Ну что, старшеклассник, как первый день в школе?]

Через три минуты пришёл ответ.

[Мосюю: Произвёл фурор.]

Гу Чжэнцин рассмеялся. А парень самовлюблён.

<http://bllate.org/book/16010/1570010>